

СТАРЫЙ двор — колодец о два дна.

Тусклое, невеселое окно — как вынутый сруб в этом колодце.

Длинная, узкая (есть ли два метра в ширину?) комната в пятнадцать квадратных. И тяжелый, веками настоявшийся запах коммуналки. Такой устойчивый, что потом долго еще мой свитер будет напоминать о визите.

И, наконец, хозяйн ее — седой старик. С удивительной памятью — не по возрасту, юморной — несмотря ни на какие ситуации.

Он пришел в «Смену» за десять лет до моего рождения. Я займу его стул в его кабинете. Но до этого пройдет тридцать пять лет. Мы — коллеги. Журналисты, начинавшие в «Смене» с сельской темы.

Виктор Иванович Шейко поднимает на меня непонятного цвета глаза.

— Газет-то у сейчас не читаю. Но радио слушаю. Что, отклики больше не пишете? Или вам даже не довелось? Мне довелось.

Отклики меня учили писать в «районке».

Старый редактор (земля ему пухом!), переживший и войну, и культ личности, и политику волюнтаризма в сельском хозяйстве, в день выхода в центральной печати важного партийного документа заходил в наш маленький кабинет, окидывал взглядом сразу всех, модных и зеленых, говорил: «Правду» читали? Будем откликаться...».

— Может, сами позвонят? — подавала я неуверенно.

Он вздыхал: — Сами не позвонят. Вы растешь, Галя, узнаешь... Будем откликаться.

И мы хватались за телефоны. Звонили на заводы и в совхозы. Искали людей, кто прочитал, осмыслил, готов поддержать. Тем, кто готов был поддержать, но еще не читал, мы зачитывали газету по телефону.

С годами появлялись штатные «откликающиеся».

Однажды до полуночи звонила известному молодому доярку, который задерживался на комплексе с вечерней дойки. Когда наконец дозвонилась, объяснила задачу, услышала в ответ: «Да что вы так волну-

етесь. Могли бы и без предупреждения написать. Я ведь никогда не откажусь, понимаю — дело-то государственное».

И уже позднее, в «Смене», когда однажды в кабинет заглянула девушка с исписанным листком, я долго не могла понять, чего она хочет. Оказывается, принесла отклик, сама написала: одобряет, поддерживает. Я что-то промямлила в ответ: мол, мы не всегда откликаемся, и не на все, и вообще все уже не так в газетах, и мы — не те... «Надо же, — удивилась девушка, — столько лет откликались... Я уже привыкла, и вдруг — никто не звонит...».

Как легко ко всему привыкать. Как легко превратить в абсурд любую здоровую идею. А отвыкать — как? И как найти альтернативы?

В БОЛЬШУЮ «Смену» корреспондент Шейко попал через «Смену»-маленькую.

Весной 1945 года, когда в Ленинграде не хватало электроэнергии, встал вопрос об увеличении добычи торфа на предприятии «Назия» и «Ириновское». На торфоразработки отправилась ленинградская молодежь от 17 до 22 лет. А областная газета «Смена» организовала спецвыпуски на этих торфопредприятиях: каждый день — маленький дополнительный листок.

На местах работали два корреспондента. Один из них — сын генерала — писать не умел, поэтому «сменовцы» быстро отправили его на учебу. Второй — Шейко — вставал в 5.30, к часу дня заканчивал рукопись и отправлял с курьером в Ленинград. После обеда — сбор нового материала, короткий сон и — новый материал.

Так он работал пять месяцев.

Бывает, что и сегодня «Смена» в такой «кухне», в таком режиме проверяет своих новичков.

Перед зачислением Шейко в штат «большой» «Смены» выпылл один факт его биографии: в свое время, еще будучи студентом Ленинградского университета, он стал героем фельетона Зоценко. Прочувшись до этого три

курса в Дальневосточном политехническом институте, будучи студентом филфака в Ленинграде, он, юморист, пародист, хохотун, враль и мистификатор, любил сочинять о себе были-небылицы. И прихватнул где-то в кругу студентов, что, дескать, и фил-

райкома не замечают ее прихода». И рядом — рисунок: маленькие человечки прыгают на пресс-папье, носят груды бумаг, мажут перья в чернильницы...

В 1950 ГОДУ Шейко возглавлял сельхозотдел редак-

ЧЕЛОВЕК И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

И МЫ ДОПИШЕМ ЭТИ СТРОКИ...

Леонтьева Г.

фак бросит, и КИЖ (Коммунистический институт журналистов) ему ничем, а будет держать светлую дорожку аж в ГИТИС. Слухи о таком студенте дошли до Зоценко. Появился фельетон «Оседлав науку».

— Чему-нибудь эта история вас научила? — спросили Шейко на редколлегии в «Смене».

— Да, — ответил тот. — Прежде чем писать фельетон, нужно обязательно встретиться с героем. Чего и Зоценко ждало.

Его приняли разъездным корреспондентом в областной отдел.

Я листаю нашу «Смену» пятидесятых годов. Старые наши коллеги...

Как старательно совестили «советскую» девушку, спортсменку Наташу Богданову за зазнайство. Вспомним про звездную болезнь «Зенита» в нашей газете сегодня.

Как гневно боролись с бюрократизмом в комсомоле. А мы сегодня? О том же!

А вот и Шейко. «Весна властно стучится в двери Тосненского райкома комсомола. Но все тщетно. Увелиכים заседаниями, резолюциями, телефонными звонками, работники

Виктор Иванович вспоминает:

— У нас была какая-то особая атмосфера в коллективе. Творчество! Творчество! Творчество! Лучших ребят забирали в ЦК, в «Правду», в «Известия». В самые страшные годы репрессий никто не клеяузничал, не доносил. А мы ведь вслух обсуждали такие вопросы, какие ночью в подушку сказать было страшно.

Помните лозунги тех лет: догнать и перегнать Америку. Надоели нам они уже в ту пору — до жути. Вот и шутили: «Как известно — капитализм летит в пропасть. Наша задача...». Да-да — и лозунг. Или скандировали: «Все равно по количеству клюквы не догонит Америка нас». Ложь, помпезность раздражали. Как всех не пересажали — удивительно. Верили друг в друга — свято. В «Смену» — как в братство.

Но, случилось, и над «Семной» нависал карающий меч.

...В ТОТ ДЕНЬ Шейко был дежурным по номеру. Шла статья И. В. Сталина, присланная по пресс-бюро «Правды». Уже перед подписью сигнального экземпляра в свет решил перепечатать статью. И вдруг — ошибка! Да какая!

Вместо «неполноправные нации» — «неполноценные». Бросился в цех, в библиотеку. Остановили работу в типографии...

Ошибку устранили.

А наутро — комиссия. Секретари обоима. Люди со взглядами — спицами. Корректоры рыдают, подчинична отпавляют валерьянкой. Шейко героем ходит — ошибку-то он

писал, честно, открыто, историю современности.

Он всю жизнь прожил в коммуналке. Всегда находилась те, кому квартира была нужнее. Его посылали в самые дальние, неудобные, «пешие» командировки: «Ты — один, тебе легче». Он был один, по-

нашел! Ту, что даже в Москве проморгал.

И вдруг — вызывают. «Создайтесь, — говорит полковник в штатском, — что вы умышленно, в самый последний момент остановили ошибку, дабы дать возможность типографским рабочим прочесть материал в искаженном виде...».

Чуть с работы не сняли. Легко отдалась — строгачом...

Я думаю: почему мы так мало ценим людей, живших и работавших в те годы? Почему мы так мало знаем о них? В сегодняшнем музее «Смены» нет ни слова о разъездном корреспонденте из 45-го Виктор Шейко. Человеке, чей отец еще в 1907 году на Дальнем Востоке поднимал восстание моряков на миноносцах. Человеке, родившемся в дни Февральской революции 17-го, жившего до 7 ноября без имени и нареченного Виктором в честь победы Великого Октября. Не взятого на фронт из-за тяжелой болезни, тушившего зажигалки, вывезенного в числе студентов Университета в эвакуацию, потому что их решено было спасти ради будущей, мирной жизни, в которой нужны будут специалисты, люди с высоким образованием.

И он стал публицистом. И

тому что умерла его невеста, а другой такой, хоть чуточку на нее похожей, так и не встретил. Было ли ему от этого легче?

И как часто, с праведным негодованием критикуя прошлое, мы забываем о людях, кто тогда боролся, строил и перестраивал, подставлял свои плечи и головы, чтобы нам сегодня было легче, чтобы сегодня само слово «перестройка» на всех языках звучало по-русски.

Мы говорим: революционное очищение и возрождение возможно посредством активизации личности. Такие личности, борющиеся за перестройку, были всегда.

ПОСЛЕДНИЙ раз он подставлял свою голову в 1963 году.

Из «Смены» его пригласили в журнал «Нева». Шел 1957 год. А Шейко был исполняющим обязанности ответственного секретаря.

После «Смены» жизнь в журнале казалась спокойной, тягучей, как романы графоманов.

Но были и такие романы, что не давали спать по ночам. Проза Абрамова, например. Рассказывать правду об архангельской деревне — не

это тоже нужно было в то время иметь смелость.

И ещё боролись они в журнале за хорошую, честную публицистику. Однажды на стол Шейко легла статья ученых-биологов из Новосибирска. Статья о перспективах советской генетики.

Генетика, как известно сегодня, — это наука, изучающая явления наследственности и изменчивости. В нашей стране эта наука развивалась в двух направлениях: классическая (или, как ее еще называли, «формальная») и генетика, отрицающая хромосомную теорию наследственности.

После нашумевшей сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук в 1948 году был выдвинут и проведен в жизнь принцип «классовой биологии». То есть признавались коренные различия между генетикой советской и западной. Классическую генетику, объявили буржуазной наукой, она оказалась вне закона.

Эту позицию утвердил академик Лысенко.

Но классическая генетика, хоть и подпольно, хоть и под страхом смерти, продолжала развиваться, одерживала победы.

После XX съезда партии в сфере науки началось оздоровление обстановки. Но пережитки культа личности оставались. И оставались люди, которые упорно проводили резкую границу между советской и мировой генетикой.

Это сейчас мы читаем «Белые одежды» Дудинцева и все понимаем, и осуждаем, и негодуем, и сочувствуем.

А в 1964 году исполняющий обязанности ответственного секретаря предлагает к публикации статью, где ученые-биологи черным по белому пишут: «Не говорим же мы «буржуазная физика», «буржуазная химия», «буржуазная физиология». Была там еще одна фраза, которую Шейко предусмотрительно убрал: «И правы Ильф и Петров, которые утверждают, что дважды два четыре при любых правительствах».

Предусмотрительность не помогла. Эту фразу, вымаранную в черновиках, представители комиссии обнаружили быстро. Это при каких таких

правительствах? Это кого вы имеете в виду?

Виктор Иванович Шейко был уволен из журнала без права работы в печати. Без средств.

Перо журналист-коммунист оставить не мог.

Вот где помогла школа «Смены». Он писал короткие рассказы, побасенки, острооты — рассыпал под разными псевдонимами в разные газеты. Жил на разовые гонорары. Продал хорошую библиотеку.

Обострилась бронхиальная астма. Окулист поставила неверный диагноз. Да и просто — старость пришла.

Я УДИВЛЯЮСЬ этому человеку. То он начинает имитировать голос бывшего ректора своего Университета. То вспоминает, как комсомольцы города пошли в рейд на стилиг и как под дружный хохот «сменовцев» привели к ним в редакцию... корреспондента Мамлеева из отдела комсомольской жизни, попавшего в руки дозорных из-за длины волос. То вдруг спросит: «А вы что делаете с красивыми журналистками, не умеющими писать? Мы свою Люсю Забанову всегда отправляли делегации и большое начальство встречать. Здорово она нас выручала».

— Виктор Иванович, а вам не кажется, что есть в этом что-то... несправедливое? — Я обвожу рукой узкую комнату со скудной мебелью, стену с темным куском обоев от бывших стеллажей книг.

Он не понимает.

— Я же — один. Потому и коммуналка. А ко мне пионеры ходят. День рождения вот скоро отмечу. Семьдесят лет как — Виктор.

Мы прощаемся в дверях, ведущих в длинный темный коридор.

Виктор Иванович поднимает глаза, неожиданно спрашивает:

— Извините за стариковскую причуду: вы — блондинка или брюнетка?

Виктор Иванович — слеп.

Г. ЛЕОНТЬЕВА